

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ П.

1762—1796 гг.

V¹⁾.

Государственные черносошные крестьяне.

Подати и повинности.—Раскладка податей.—Недоники.—Десятинная пашня и оброчный провиантъ. — Рекрутчина. — Выписные казаки. — Дорожная повинность, выборъ въ цѣловальники и въ другія должности, подводная повинность, взводъ дощаниковъ и т. п.—Злоупотребленія властей.—Мироѣды.

Въ поземельныхъ отношеніяхъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ мы встрѣтили не мало оригинальнаго, отличнаго отъ порядковъ, господствовавшихъ въ центральной Россіи. Что касается податей и повинностей, то и на эту часть сельскаго населенія распространялась система, существовавшая повсемѣстно въ Великороссіи, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь особенно тяжело ложились на крестьянъ натуральныя повинности (дорожная, подводная и проч.), а въ Сибири даже часть денежнаго оброка вносилась хлѣбомъ или отработывалась десятинною пашнею. Подушная подать, какъ и со многихъ другихъ казенныхъ крестьянъ, взималась въ размѣрѣ 70 коп. съ души, оброчный сборъ съ 1760 г. равнялся 1 руб., съ 1768 г.—2 руб., а въ 1783 г. былъ повышенъ до 3 руб.; но въ раскладкѣ денежныхъ сборовъ были свои особенности. Въ центральной Россіи распредѣленіе повинностей было тѣсно связано съ передѣлами земли, подати раскладывались по тягламъ; на сѣверѣ-же Россіи и въ Сибири, гдѣ передѣловъ не было, подати распредѣлялись или по количеству земли, находившейся во владѣніи того или другаго крестьянина, или по числу душъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40.

Въ Архангельской губерніи и въ настоящемъ столѣтіи, уже послѣ того, какъ тамъ было введено общинное землевладѣніе, существовалъ двоякій способъ раскладки податей. «Послѣ уравнительнаго раздѣла земель между крестьянами въ 1830 г. и до настоящаго времени,—говоритъ одинъ мѣстный изслѣдователь, — раскладка податей и повинностей крестьянскими общинами производится не одинаково: въ однѣхъ волостяхъ съ ревизскихъ душъ, въ другихъ съ земли. Въ Пинежскомъ уѣздѣ, какъ мы слышали, почти въ половинѣ волостей сборы раскладываются по землѣ; то же и въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ городу волостяхъ, подати и повинности раскладываются по душамъ. Впрочемъ, въ Кушевской волости, къ которой принадлежитъ и Матигорское общество, недавно крестьяне исходатайствовали себѣ позволеніе дѣлать раскладку по землѣ, по той причинѣ, что одни общества владѣютъ въ значительномъ количествѣ землей и хорошаго качества, въ другой—скуднымъ надѣломъ и плохаго качества. Все-таки въ убѣжденіи нашихъ крестьянъ до сихъ поръ лежитъ мысль, что сборъ податей и повинностей падаетъ на землю, которою они пользуются, а не на лица; оттого они и нынѣ землю называютъ тяглою, душою или податною душою. Вообще крестьяне считаютъ сборъ поземельный болѣе справедливымъ, нежели съ ревизскихъ душъ».

Та же двойственность въ раскладкѣ податей существовала въ Архангельской губерніи и въ прошломъ столѣтіи. Мѣстный изслѣдователь, слова котораго мы только что привели, напечаталъ нѣсколько интересныхъ документовъ, рисующихъ намъ распредѣленіе денежныхъ повинностей. Сравнивъ учетные свитки мірскихъ земскихъ избъ до введенія подушной подати со счетными росписями спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, мы не видимъ еще измѣненія въ системѣ раскладки. Такъ, на примѣръ, изъ документовъ селенія Николаевскихъ Матигоръ 1712 и 1727 гг. мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ подати раскладываются по вервямъ (поземельная мѣра)¹⁾. Не слѣдуетъ однако для прошлаго столѣтія обобщать эту систему; Матигорская волость по мѣстнымъ условіямъ и въ настоящее время отъ раскладки податей по душамъ возвратилась къ поземельному ихъ распредѣленію. Что подушная раскладка существовала въ прошломъ столѣтіи въ Архангельской губерніи, видно изъ слѣдующаго пред-

¹⁾ Для записки податей и всякихъ вообще сборовъ у архангельскихъ крестьянъ велись такъ называемыя борчія книги. Въ нихъ показывалось, сколько у каждаго хозяина было тяглою земли, сколько денегъ каждый долженъ былъ внести по раскладкѣ и когда онъ уплатилъ ихъ. В. С.

писанія, даннаго въ 1786 г. старостамъ и всѣмъ крестьянамъ директоромъ экономіи Архангельскаго намѣстничества: «Поелику нужно, чтобы при раскладкѣ податей сохранена была безпристрастная справедливость съ удаленіемъ отягощенія тѣхъ, кои не имѣли (не имѣя?) тяглой земли, принуждены нынѣ платить равную по числу душъ подать съ тѣми, которые подъ разными предлогами присвоили себѣ общественныя волостныя угодья и чрезъ то сдѣлать исправнѣйшими людьми,—о семъ тебѣ, старостѣ, съ раскладчиками подтверждаю накрѣпко, чтобы подать (была) располагаема не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ». Точно также раскладка податей по душамъ существовала и въ нынѣшней Вологодской губерніи. Въ наказѣ одной изъ волостей Тотемскаго уѣзда, мы читаемъ: «платежъ подушныхъ денегъ воспослѣдуетъ въ силу состоявшагося прошлаго 761 года о ревизіи указу, по окладу съ душъ и въ удобность многоземельнымъ крестьянамъ». Такъ было и въ другой волости того-же уѣзда, гдѣ, впрочемъ, многоземельные оказывали нѣкоторую помощь бѣднымъ. «Хотя тотемская канцелярія,—писали крестьяне,—о сборѣ подушныхъ денегъ и о поверсткѣ указами и не оставляетъ, потомъ же и выборные, точію тѣ большетягле крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовыя свои вотчины, а платежъ подушныхъ денегъ производятъ съ написанныхъ душъ по окладу, а не со владѣнія земли.... а хотя-жъ по усмотрѣнію сотскаго и выборнаго подъ неимущія души вспоможеніе и чинятъ, то небольшое».

Такъ какъ подати собирались, какъ и въ настоящее время, по числу ревизскихъ душъ, то приходилось платить и за умершихъ; кромѣ того, при повсемѣстномъ существованіи круговой поруки, платили и за неимущихъ; такъ, напримѣръ, въ сѣверной Россіи общество вносило подати если не за всѣхъ, то за многихъ изъ живущихъ въ немъ безземельныхъ бобылей. Въ тѣхъ волостяхъ Велико-Устюжскаго, Усольскаго и Яренскаго уѣздовъ, относительно которыхъ мы имѣемъ точныя числовыя данныя, умершіе, неимущіе и бобыли составляли во время отправленія наказовъ въ комиссію уложенія болѣе 10%, а это было очень скоро послѣ ревизіи; иногда-же одни неимущіе составляли болѣе 20%; такъ, напримѣръ, въ Цылибской волости Яренскаго уѣзда изъ 208 душъ было 45 неимущихъ. Приходилось платить также за взятыхъ въ солдаты и сосланныхъ.

Въ сибирскихъ наказахъ крестьяне почти постоянно указываютъ, сколько изъ всего числа ревизскихъ душъ не участвовало въ несеніи общественныхъ тягостей—по малолѣтству, старости и другимъ при-

чинамъ. Тамъ количество тяглыхъ крестьянъ уменьшалось еще тѣмъ, что часть ихъ была записана въ такъ называемые «выписные казаки», которые хотя и платили подати, но не участвовали въ исполненіи подводной, дорожной и другихъ натуральныхъ повинностей, а онѣ-то въ Сибири были особенно обременительны. Въ городѣ Тарѣ изъ 1,223 ревизскихъ душъ, за исключеніемъ 104 выписныхъ казаковъ, а также умершихъ, стариковъ и малолѣтнихъ, оставалось работниковъ, несшихъ всѣ общественныя повинности, только 740 человекъ; въ одной слободѣ тарскаго вѣдомства изъ 1,275 ревизскихъ душъ было 444 умершихъ и малолѣтнихъ. Крестьяне Ишимскаго уѣзда Тобольской провинці жаловались на то, что они платили подати не только за стариковъ и дѣтей, но и за написанныхъ въ подушный окладъ «присланныхъ за разныя вины на поселеніе крестьянъ, кои за негодностью, старостью и дряхлостью своею и увѣчьями» работать не способны, такъ что имъ во всѣхъ пяти слободахъ приходилось платить за 700—1,000 человекъ неспособныхъ къ работѣ.

Кромѣ круговой поруки всей волости за своихъ отдѣльныхъ членовъ, крестьяне на сѣверѣ Россіи установили еще частное поручительство для людей, отправлявшихся въ отхожіе промыслы. Такъ какъ многіе изъ нихъ надолго оставались вдали отъ родины, то волость отпускала на промыселъ лишь въ томъ случаѣ, если уходящій могъ представить за себя поручителя въ исправномъ отбываніи повинностей; понятно, что такимъ поручителямъ приходилось иногда платиться за ушедшихъ. Крестьяне жалуются въ наказахъ, что ихъ товарищи, отпущенные въ Сибирь и равные города Россіи на трехлѣтній срокъ, остаются тамъ иногда болѣе 20-ти лѣтъ, поэтому поручители, которымъ приходится платить за нихъ подати и разныя сборы, совершенно разоряются.

Мѣстами крестьяне ходатайствовали о сложеніи съ нихъ шести-гривеннаго оброка, прибавленнаго въ 1760 году; но всѣ подобныя просьбы были оставлены безъ вниманія, и потому понятно, что тамъ, гдѣ при плохой землѣ бремя податей оказывалось непосильнымъ, накоплялись значительныя недоимки, которыя не могли быть покрыты и при самыхъ суровыхъ взысканіяхъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской провинці съ 1744 по 1767 годъ накопилось на государственныхъ крестьянахъ около 19,000 руб. недоимки; для взысканія ея, по словамъ наказа этого уѣзда, слободская воеводская канцелярія послала разныхъ офицеровъ и служилыхъ людей, которые, живя безвыѣздно въ волостяхъ, «взыскиваютъ показанную доимку съ крѣпкимъ неупустительнымъ принужденіемъ... и того уѣзда крестьяномъ привелось распродаывать свой весь имѣющійся экипажъ» и скотъ

«по малой цѣнѣ и за показанную доимку платить, но точію, хотя и весь распродаютъ имѣетъ быть экипажъ, и на треть вышепоказаннаго числа доимки къ платежу не отыщется».

Переходя къ разсмотрѣнію натуральныхъ повинностей, мы встречаемся прежде всего съ одною намъ уже извѣстною; мы познакомились съ постепеннымъ распространеніемъ десятинной пашни и разсмотрѣли правила, установленныя относительно ея, до тѣхъ поръ, когда она сдѣлалась равною для всѣхъ. Со введеніемъ четырехгривеннаго оброчнаго сбора, десятинная пашня не была уничтожена: въ 1726 г. было предписано, чтобы съ крестьянъ Сибирской губерніи, которые пахутъ ее и вносятъ оброчный и пятинный хлѣбъ, четырехгривенныхъ денегъ не взыскивать. Мы видѣли, что кн. Черкасскій въ 1724 г. велѣлъ обрабатывать по 3 дес., вѣроятно, съ каждаго дѣйствительнаго работника. По раскладкѣ въ 1727 г. крестьяне города Туринска обрабатывали по 427¹/₂, а Благовѣщенской слободы по 111¹/₂ десятинъ, итого 540 дес. въ каждомъ полѣ (при этой раскладкѣ у нихъ была отобрана въ «домѣръ» часть тѣхъ земель, которыя они пахали для себя). Затѣмъ, по просьбѣ крестьянъ въ 1746—1750 годахъ имъ было сбавлено ²/₃ прежняго количества съ замѣною оброчнымъ провіантомъ (земли, оставшіяся такимъ образомъ свободными, были при Чичеринѣ розданы крестьянамъ). Такимъ образомъ, если прежде эти крестьяне пахали по 3 дес., то теперь они должны были пахать по десятинѣ. Десятинная пашня по Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линіямъ велѣно было въ 1756 г. не уничтожать, а обрабатывать въ размѣрѣ отъ одной до 1¹/₂ десятины въ полѣ на каждаго человека (вѣроятно, взрослоаго работника).

Вообще въ Сибири въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка крестьяне или пахали десятинную пашню, или ставили извѣстное количество провіанта, а иногда, какъ, напримѣръ, въ г. Туринскѣ, несли одновременно и ту, и другую повинность. Сибирскій губернаторъ Соймоновъ особенно много заботился о развитіи хлѣбопашества въ Сибири и содѣйствовалъ увеличенію размѣровъ десятинной пашни. Правда, были случаи, что онъ замѣнялъ пашню оброчнымъ провіантомъ; такъ, напримѣръ, омскіе крестьяне и разночинцы, изъ которыхъ каждый работникъ отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ долженъ былъ вспахать и убрать съ поля по десятинѣ ржи и по стольку же овса. были, вмѣсто того, въ 1761—1762 гг., по примѣру Исетской провинціи, обложены оброчнымъ провіантомъ, который и собирался съ каждой души по 6-ти четвериковъ ржи, по стольку же овса и по 2 фунта пеньки. Но въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, Соймоновъ находилъ

необходимымъ расширеніе десятинной пашни. Такъ, напримѣръ, онъ обратилъ вниманіе на необходимость обезпечить продовольствіе Нерчинскаго края и представилъ по этому поводу докладъ сенату. Въ Нерчинскомъ уѣздѣ по росписанію 1728 г. было положено десятинной пашни во всѣхъ слободахъ и острогахъ 395 десятинъ, которую обрабатывали 510 дѣйствительныхъ работниковъ. Какъ съ этой пашни, такъ и оброчнаго хлѣба съ земель, находившихся въ пользованіи разныхъ людей, собиралось въ годъ около 15,000 пудовъ хлѣба, котораго было совершенно недостаточно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Поэтому Соймоновъ предложилъ: 1) пащенныхъ крестьянъ поверстать на десятинную пашню; 2) оброчныхъ крестьянъ, которые вносятъ съ 15 десятинъ по 45 пудовъ оброчнаго хлѣба, также опредѣлить вмѣсто того на казенную пашню; 3) разобрать разночинцевъ, и годныхъ къ хлѣбопашеству опредѣлить на пашню, уволивъ отъ внесенія оброчнаго провіанта и пятиннаго хлѣба¹⁾; 4) въ Нерчинскомъ посадѣ числились крестьяне и бобыли, пришедшіе изъ русскихъ городовъ, которые торговлей не занимались, а жили въ деревняхъ и пахали землю, внося одни, наравнѣ съ крестьянами, оброчный провіантъ, а другіе—пятинный хлѣбъ; Соймоновъ находилъ нужнымъ опредѣлить на пашню всѣхъ тѣхъ ихъ нихъ, которые не объявятъ капитала. Точно также слѣдовало поступить и съ «монастырскими вкладчиками», т. е. записавшимися за монастырями пришлыми людьми и мѣстными крестьянами, казаками и инородцами. На каждого изъ всѣхъ этихъ людей Соймоновъ предлагалъ положить по десятинѣ казенной пашни въ каждомъ полѣ, освободивъ за то отъ уплаты четырехгривеннаго оброка. Сенатъ согласился со всѣми предложеніями Соймонова, и тотъ опредѣлилъ на казенную пашню въ Енисейской и Иркутской провинціяхъ 3,400 душъ.

Въ 1760 г., по предложенію того же Соймонова, сенатъ разрѣшилъ разверстать и опредѣлить на казенную пашню пашенныхъ и оброчнымъ крестьянъ въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ, какъ это было сдѣлано уже въ вѣдомствахъ Тобольскомъ и Нерчинскомъ, такъ, чтобы каждый дѣйствительный работникъ пахалъ по одной десятинѣ ржи и столько же яроваго, а оброчный провіантъ съ нихъ снять; при этомъ тѣхъ, которые живутъ отдѣльными дворами («однодворками»), переселить, предварительно приготовивъ землю, на свободныя мѣста по рѣкѣ Хилкѣ, по которой должно происходить водяное сообщеніе между Селенгинскомъ и Нерчинскомъ, а также опредѣлить

¹⁾ Пятиннымъ хлѣбомъ назывался, по видимому, оброкъ за землю, вносимый въ размѣрѣ одной пятой доли урожая.

на десятинную пашню и тѣхъ изъ считающихся посадскими и цеховыми, которые, не занимаясь торговлею и мастерствами, живутъ по деревнямъ и владѣютъ землями, не платя за нихъ оброка.

Въ Восточной Сибири еще долго существовала десятинная пашня, но въ Западной мѣри Соймонова вызвали волненіе въ Ялutorовскомъ и Ишимскомъ дистриктахъ. Крестьяне нѣсколькихъ слободъ Ялutorовскаго дистрикта заявили въ 1760 г., что они отказываются отъ казенной пашни и не хотятъ снять хлѣба съ полей; они не согласились пахать и убрать хлѣбъ даже и за плакатную плату. Когда подавшихъ это заявленіе хотѣли арестовать, то остальные, собравшись большою толпою и вооруженные дубьемъ, освободили товарищей, разбили посланную противъ нихъ военную команду и ранили нѣсколько человѣкъ. Тогда мѣстные власти рѣшили собирать съ нихъ оброчный провіантъ и кромѣ того по 2 фунта пеньки съ каждой души; но крестьяне отказывались вносить провіантъ и желали лучше платить рублевый оброкъ. Сенатъ нашелъ, что поставка провіанта будетъ обременительна для крестьянъ и вызоветъ злоупотребленіе приемщиковъ и потому приказалъ собирать рублевый оброкъ деньгами. Такъ какъ четверть ржи стоила въ Тобольскѣ въ 1759 г. около 35 коп., а овса около 30 коп., то вмѣсто взноса оброчнаго провіанта (по шести четвериковъ ржи, столько же овса и 2 фунта пеньки), за который зачиталось только 40 коп., крестьянамъ было удобнѣе платить деньгами, такъ какъ такимъ образомъ они избавлялись отъ лишннихъ прижимокъ со стороны начальства. Енисейскіе крестьяне, вносившіе до начала 1760-хъ годовъ по 9½—10 четвериковъ провіанта съ каждой души, взаменъ четырехгривеннаго оброка, въ 1767 г. также платили подати въ обычномъ размѣрѣ (1 р. 70 коп.) и провіанта не ставили.

Однако, эта замѣна оброчнаго провіанта денежнымъ сборомъ не сразу распространилась на Восточную Сибирь; мы сейчасъ увидимъ, что тамъ существовала и десятинная пашня, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Въ Иркутской губерніи въ это время вмѣсто четырехгривеннаго оброка собиралась еще мука и крупа по 2 пуда съ каждой десятины пашни и покосовъ, а отчасти и пенька, считая 10 фунтовъ ея за одинъ пудъ муки. Но такой порядокъ былъ тамъ не вездѣ; мѣстами крестьяне ставили известное количество провіанта соотвѣтственно тому, сколько могло уродиться съ опредѣленной имъ десятинной пашни; это была, слѣдовательно, та же казенная пашня, съ тѣмъ только различіемъ, что при опредѣленномъ количествѣ хлѣба, которое съ нея должны были представить крестьяне, надзоръ администраціи при ея обработкѣ дѣлался ненужнымъ. Такъ, крестья-

не Илимскаго вѣдомства Орленской слободы платили податей по 1 р. 30 коп. да кромѣ того съ 18-ти десятивъ пашни давали ежегодно 1,850 пуд., т. е. по 103 пуда или, считая въ четверти по 8 пуд., по 13 четвертей съ десятины. Крестьяне другой слободы того же вѣдомства съ 13¹/₂ десятивъ пашни давали 1,540 пуд. или по 14-ти четвертей съ десятины. Крестьяне Нижнеилимской слободы съ 1700 по 1728 г. съ тяглою десятины давали по 7-ми четвертей ржи, а затѣмъ съ нихъ собиралось болѣе, но такъ, что на каждую крестьянскую душу въ 1767 г. приходилось по пяти съ небольшимъ пудовъ. Въ Иркутской губерніи еще въ 1774 г. съ нѣкоторыхъ крестьянъ вмѣсто четырехгривенныхъ денегъ собирали хлѣбъ.

Мы уже указывали на то, что крестьяне мѣстами прямо заявляли желанію замѣнить хлѣбный сборъ денежнымъ оброкомъ; это объясняется злоупотребленіями при сборѣ натурою, одинъ изъ примѣровъ которыхъ мы находимъ въ наказѣ крестьянъ Маковского острога Енисейскаго уѣзда. Они заявили, что «въ прошлыхъ годахъ» енисейскій воевода наложилъ на нихъ немалый хлѣбный сборъ для пополненія утраченнаго казеннаго провіанта, такъ что съ нихъ взыскивалось лишнихъ по 170—180 четвертей въ годъ, для взноса которыхъ нѣкоторымъ приходилось даже отдавать своихъ дѣтей въ кабалу¹⁾.

Рекрутскую повинность государственные черносошные крестьяне несли наравнѣ со всѣми другими сельскими обывателями. Въ нѣкоторыхъ наказахъ (Орловскаго уѣзда Вятской провинціи и города Саратова) крестьяне жаловались, что во время рекрутскихъ наборовъ нерадивые къ земледѣлію и несостоятельные въ платежѣ повинностей скрываются по лѣсамъ и вслѣдствіе этого приходится отдавать въ рекруты исправно несущихъ свое тягло. Поэтому они просили дозволенія покупать рекрутъ у помѣщиковъ или вносить за себя по 120 руб.; орловскіе крестьяне просили разрѣшить покупать такихъ замѣстителей даже и тѣмъ, которые уже поступили на службу, но однако съ условіемъ, чтобы возвращать обратно только прослужившихъ не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ послѣ того они уже слишкомъ отвыкнутъ отъ земледѣлія, къ тому же и земля такого крестьянина, чтобы не запустѣла въ теченіи долгаго времени, будетъ отдана другому, который можетъ выстроить на ней и жилище, такъ что, въ случаѣ возвращенія прежняго владѣльца, могли бы произойти великія ссоры о земляхъ.

¹⁾ Безъ сомнѣнія, томъ же причиною объясняется сборъ сверхъ обычнаго провіанта съ крестьянъ Казаченскаго присуда Енисейской пров. въ 1751 г.—800 и въ слѣдующемъ году 300 четвертей.

Съ сибирскихъ крестьянъ, сверхъ рекрутъ, набирались еще такъ называемые выписные казаки, учрежденіе которыхъ, вызвано недостаткомъ въ этой мѣстности регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, относится къ началу 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Крестьяне эти набирались въ разномъ количествѣ (въ одномъ указѣ сказано, что ихъ первоначально было взято по 10 человекъ со 100 душъ). Въ началѣ 50-хъ годовъ XVIII вѣка всего въ Сибири было болѣе 9,000 такихъ казаковъ.

Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о выписныхъ казакахъ Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ. Они служили съ 1732 года, и за то не только не получали никакого денежнаго жалованья, но даже содержали себя во время службы на форпостахъ на свой счетъ, имѣли свое платье, ружье и боевые припасы; кромѣ того, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, ихъ посылали съ военными командами: они содержали караулы, бывали въ разъѣздахъ на своихъ коняхъ; лѣтомъ косили сѣно вмѣстѣ съ драгунами для ихъ лошадей. Не разъ выписные казаки бывали въ сраженіи съ киргизами, особенно во время башкирскаго бунта, и наряду съ регулярными войсками ревностно исполняли свои служебныя обязанности. Не смотря на всю эту службу, они платили подушныя какъ за наличныя души, такъ и за умершихъ и за взятыхъ въ рекруты или въ плѣнь киргизами и башкирами, а также вносили и оброчный сборъ деньгами, провіантомъ, или пахали десятинную пашню; кромѣ того, они возили, не получая прогоновъ, равныя письменныя дѣла, курьеровъ и военныхъ; наконецъ, на ряду съ другими крестьянами они давали рекрутъ и несли конскую повинность. Выписные казаки брались изъ семейныхъ людей; всего въ Ялуторовскомъ уѣздѣ изъ 14,690 душъ было 800 человекъ выписныхъ казаковъ, т. е. $5\frac{1}{2}\%$, а въ Ишимскомъ изъ 8,814 д.—600 человекъ, т. е. 7% ; изъ нихъ $\frac{1}{3}$ находилась по форпостамъ, а остальные дома, смѣняясь помѣсячно.

Въ 1747 г. крестьяне Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ послали въ Петербургъ челобитчиковъ, прося отмінить назначеніе ихъ въ выписные казаки; когда-же сибирская губернская канцелярія высказалась противъ этого, находя выписныхъ казаковъ необходимыми въ виду недостатка войскъ, то они просили, по крайней мѣрѣ, чтобы имъ давали жалованье и все, что нужно для службы, а также выключали бы ихъ изъ подушнаго оклада и облегчили подводную гоньбу. Сенатъ приказалъ въ 1751 г. казакамъ по прежнему нести службу, но за то велѣлъ ихъ освободить отъ десятинной пашни и поставки провіанта, оставивъ на нихъ уплату однихъ подушныхъ денегъ; кромѣ того, приказалъ имъ давать казенный порохъ

и свинець, а также, когда они будутъ находиться далеко отъ дому, провіантъ; зимою на форпостахъ: давать лошадямъ фуражъ и за отвозъ курьеровъ и военныхъ платить имъ прогонныя деньги.

Въ 1753 и 1754 гг. новыми указами сената велѣно было выписныхъ казаковъ, кромѣ крайне необходимыхъ случаевъ, никуда отъ домовъ не отлучать, а если понадобится ихъ содѣйствіе, въ такомъ случаѣ посылать ихъ, пока собраны будутъ войска, по опредѣленіямъ сибирскаго губернатора, причемъ давать имъ старыя ружья; а которые изъ нихъ будутъ находиться на новой линіи при строеніи крѣпостей и редутовъ и для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, тѣмъ во все время ихъ отлучки изъ дому выдавать жалованье и провіантъ наравнѣ съ сибирскими казаками.

Выписные казаки въ значительномъ количествѣ бѣжали отъ ненавистой имъ службы; такъ, въ теченіе одного іюня мѣсяца 1750 г. изъ крѣпостей Ишимской линіи бѣжало 44 выписныхъ казака. Новыя правила, установленныя сенатомъ, съ которыми мы только что познакомились, также не удовлетворяли крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они не всегда исполнялись ¹⁾. Въ 1757 г. выписные казаки слободы Орлово Городище отказались идти на службу на новую линію; тогда противъ нихъ послали военную команду съ приказаніемъ выслать въ сибирскую губернскую канцелярію казачьихъ старшинъ закованныхъ въ кандалы. Выбраны были новые десятники, пятидесятники и старшины. Послѣдній повелѣлъ 149 казаковъ, но по дорогѣ третья часть ихъ бѣжала; тогда велѣно было вновь назначить 184 человекъ и выслать ихъ черезъ 24 часа, безъ всякихъ отговорокъ. Ялutorовскіе и ишимскіе крестьяне указомъ 1751 г. были избавлены отъ десятинной пашни; а между тѣмъ выписные казаки Тарскаго уѣзда на ряду съ крестьянами и разночинцами были опредѣлены въ 1759 г. на казенную пашню и велѣно было каждому дѣйствительному работнику пахать по десятинѣ въ каждомъ полѣ. Казаки просили освободить ихъ отъ этой повинности.

Въ 1760-хъ годахъ казаки не несли подводной гоньбы и другихъ повинностей, кромѣ конвоирования денежной казны и колодниковъ, а подати платили наравнѣ съ другими государственными крестьянами. Отъ времени до времени ихъ требовали на службу. Когда, въ 1770 году, 200 человекъ изъ нихъ было выслано на линію противъ киргизовъ, губернаторъ Чичеринъ представилъ сенату, что если выписные казаки будутъ платить подати и въ то же время для службы

¹⁾ На работѣ при постройкѣ Ишимской линіи выписные казаки получали солдатскій провіантъ, но боевыя припасы у нихъ были свои. В. С.

отлучаться из своих домовъ, то могутъ совершенно раззориться, и предлагалъ уничтожить выписныхъ казаковъ, такъ какъ въ Сибири производятся рекрутскіе наборы. Сенатъ приказалъ отпустить по домамъ высланныхъ въ этотъ разъ на линію, такъ какъ киргизы откочевали изъ тѣхъ мѣстъ, но на уничтоженіе службы крестьянъ въ выписныхъ казакахъ не согласился, найдя совершенно достаточными правила 1753—1754 годовъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію другихъ натуральныхъ повинностей сѣверной Россіи и Сибири.

Дорожная повинность, т. е. починка дорогъ и мостовъ, при большомъ количествѣ населенія и обиліи болотъ, стоила крестьянамъ немало денегъ и труда. Крестьяне Матигорской волости Холмогорскаго уѣзда тратили ежегодно болѣе ста руб. на постройку новыхъ мостовъ и починку старыхъ и высылали на большую дорогу по 300 человекъ изъ жившихъ вблизи ея, которые за то получали вознагражденіе отъ остальныхъ крестьянъ. Работы было не мало: крестьяне копали канавы, ставили верстовые столбы, дѣлали просѣки по 15-ти саж. ширины и т. п. Жителямъ одной волости Устюжскаго уѣзда приходилось для починки дорогъ и мостовъ высылать ежегодно около ста человекъ дней на десять. Крестьяне Каргопольскаго уѣзда заявляли, что дорога, проходящая по ихъ уѣзду изъ Петербурга въ Архангельскъ на протяженіи 350 верстъ, идетъ по мокрымъ и болотистымъ мѣстамъ и пересѣкаетъ множество рѣкъ; они просили или освободить ихъ отъ дорожной повинности, или назначить за нее вознагражденіе. По этому случаю судиславскій депутатъ предложилъ въ комиссію уложенія, чтобы исправленіе дорогъ возложено было на всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій. Жалобы на тягость дорожной повинности мы находимъ и во многихъ другихъ крестьянскихъ наказахъ.

Очень дорого обходилось также крестьянамъ сѣверной Россіи содержаніе перевозовъ. Послѣ уничтоженія въ 1753 г. сбора съ мостовъ и перевозовъ сенатъ приказалъ отдать перевозки въ содержаніе магистратовъ и ратушь и тѣхъ, въ чьихъ дачахъ они состоятъ; если же они не пожелаютъ—то обывателямъ, живущимъ по близости, съ такою платою изъ казны, въ какомъ оброкѣ они числятся, а если и тѣ не согласятся, то содержать ихъ отъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій; но на дѣлѣ обыкновенно перевозки приходилось содержать крестьянамъ. Какъ тяжела иногда была эта повинность, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Нижнекойдокурской волости Двинскаго уѣзда было три перевоза (изъ нихъ одинъ

черезъ р. Двину), содержаніе которыхъ должно было обходиться ежегодно, по официальной оцѣнкѣ, въ 198 руб.; но такъ какъ перевозки эти числились только въ 8-ми рублевомъ оброкѣ, то взявше ихъ въ содержаніе могли получить отъ казны не болѣе этой суммы. Поэтому послѣ указа 1753 г. крестьяне заявили, что содержать эти перевозки за такую ничтожную плату они не желаютъ; губернская канцелярія вызывала желающихъ взять на себя ихъ содержаніе, но такихъ, разумѣется, не нашлось и они оставлены были на попеченіе крестьянъ. Правда, въ 1765 г. губернская канцелярія привлекла къ участию въ содержаніи ихъ 13 сосѣднихъ волостей, но за 11 предшествовавшихъ лѣтъ они получили не 2,187 руб., которые они должны были на нихъ истратить, а всего 88 руб.

Немало жаловались крестьяне также на то, что они должны были ежегодно выбирать изъ себя цѣловальниковъ къ продажѣ вина и соли. Иногда они перекладывали эту повинность на деньги. Жители одной волости Кольскаго уѣзда, принужденные, кромѣ цѣловальниковъ для продажи вина и соли у себя дома, выбирать счетчиковъ, ларечныхъ и винныхъ цѣловальниковъ въ кольскую воеводскую канцелярію, вслѣдствіе того, что среди нихъ не было грамотныхъ, нанимали счетчиковъ на четыре года и давали за это 80 руб.; ихъ ларечные были также вольнонаемные. Какъ много рабочихъ силъ отвлекалось исполненіемъ разныхъ выборныхъ должностей, видно изъ слѣдующаго перечня въ наказѣ крестьянъ Ишимскаго уѣзда. Кромѣ «мірскихъ разныхъ служеніевъ», т. е. лицъ, выбранныхъ для завѣдыванія мірскими дѣлами, въ пяти слободахъ этого уѣзда выбирали ежегодно: въ цѣловальники для приѣма и продажи пороха 5 человекъ, въ цѣловальники для продажи гербовой бумаги 4, въ сторожа 6, въ караулъ къ провіантскимъ и солянымъ магазинамъ, къ подваламъ съ порохомъ и денежною казною и къ тюрьмѣ—96; въ счетчики при покупкѣ въ казну провіанта и овса и раздачѣ прогоновъ за отвозъ въ крѣпости—7, въ цѣловальники для приѣма купленнаго провіанта: муки, ражи, крупы и овса—25, въ рассыльщики по провіантскимъ дѣламъ—6, въ рассыльщики по полицейскимъ дѣламъ—6, въ караульные при казенныхъ домахъ, гдѣ живутъ управители и комиссары—12, итого 167. Всѣ эти выборные служили полгода, и затѣмъ на смѣну имъ выбирали другихъ. Кромѣ того, на годъ выбирали для сбора денегъ за разныя оброчныя статьи 5 человекъ и для сбора штрафа съ небывшихъ у исповѣди и причастія 5 человекъ; наконецъ, для отвоза въ Тобольскъ и другія мѣста разныхъ денежныхъ сборовъ крестьяне посылали счетчиками по одному и по

два человѣка. За всё эти службы выборные не получали, разумеется, никакого вознагражденія ¹⁾).

Отъ повинностей вовсе не оплачиваемыхъ, переходимъ къ тѣмъ, которыя вознаграждались, но обыкновенно недостаточно. Самою обыкновенною изъ нихъ была подводная повинность; она была особенно обременительна въ малонаселенныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Сибири, т. е. именно тамъ, гдѣ жили черносопные крестьяне. Такъ, напримеръ, жители Устьцылемской слободки Пустозерскаго уѣзда возили зимой въ одну сторону на разстояніе 233 верстъ, въ другую на 214, въ третью на 100 верстъ; дорога проходила по безлюднымъ мѣстамъ. Особенно была тяжела эта повинность лѣтомъ: тогда крестьяне эти возили до Пустозерска, до Ижемской слободки и до Лампоженской слободки Мезенскаго уѣзда, которая считалась въ разстояніи 500 верстъ. Кромѣ подводъ подъ проѣзжающихъ, они дважды отвозили деньги, вырученныя отъ продажи вина (это уже бесплатно). Такъ какъ на пути находился какой-то трудный волокъ, то на одну подводку отправляли по двѣ лодки, да по шести человѣкъ работниковъ; лодки приходилось бросать, и потому, вмѣстѣ съ проѣздомъ рабочихъ, отвозъ денегъ, полученныхъ отъ продажи вина, дважды въ лѣто обходился имъ рублей по 40. Въ Сибири точно также крестьянамъ приходилось возить на весьма далекія разстоянія. Такъ, напримеръ, крестьяне одной слободы Тарскаго уѣзда давали подводки въ одну сторону черезъ Барабинскую степь до Каинскаго форпоста на разстояніе 254 в., въ другую 37 в., въ третью 145 в.; при этомъ запрягали подъ одинъ возъ по пяти и по шести лошадей, а прогоны получали только за одну подводку, лѣтомъ по копѣйкѣ, а зимой по деньгѣ съ версты; въ четвертую сторону они поставляли казенный провіантъ въ крѣпости на новую линію на разстояніе 300 верстъ. Кромѣ того, они содержали 7 почтовыхъ станцій и 6 зимовій, на которыхъ находилось по шести лошадей для возки воинскихъ людей и казенныхъ пакетовъ; это называлось «междворныя подводки» и за нихъ прогоновъ крестьяне не получали. На этихъ станціяхъ, зимовьяхъ и при междворныхъ подводкахъ находилось ежегодно изъ одной сло-

¹⁾ О постоянной повинности вовсе не упоминается въ наказахъ государственныхыхъ крестьянъ сѣверной Россіи и Сибири; но крестьяне Зубцовскаго уѣзда сильно жалуются на обремененіе ею. Очевидно эта повинность давала себя чувствовать всего болѣе въ центральной Россіи, гдѣ расположены были войска; на сѣверѣ же ихъ почти совсѣмъ не было, а въ Сибири они стояли по крѣпостямъ и форпостамъ.

боды Тарскаго уѣзда, въ которой было 1,275 ревизскихъ душъ, — 109 человекъ.

Такъ какъ всего тяжелѣе подводная повинность должна была ложиться на тѣхъ, которые жили близъ проѣзжихъ дорогъ, то крестьяне, селенія которыхъ лежали далѣе отъ нихъ, обыкновенно помогали первымъ деньгами. Одна волость Устюжскаго уѣзда платила такого сбора по 2 $\frac{1}{4}$ коп. съ души; нѣкоторыя волости Тотемскаго уѣзда по 7—10 коп.; въ Вятской провинціи отъ 7 до 20 коп. Бывало и такъ, что крестьяне просто нанимали подводы для почтовой гоньбы. Николаевская Матигорская волость должна была содержать почтовую станцію въ Холмогорахъ; такъ какъ, вслѣдствіе дальняго разстоянія, они не могли лично исполнять эту повинность, то нанимали для этого другихъ, что и обходилось имъ въ 1800 году по 2 руб. 20 коп. съ души. Мѣстами приходилось содержать лошадей на волокъ: въ Яренскомъ уѣздѣ на Вымскомъ волокъ было до 30-ти лошадей, стоимость содержанія которыхъ раскладывалась на нѣсколько волостей.

Тяжесть подводной повинности еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что проѣзжающіе причиняли крестьянамъ всевозможныя обиды: они побоями принуждали давать имъ лошадей болѣе того, сколько означено въ подорожныхъ, между тѣмъ, какъ прогоны платили только за показанное въ нихъ количество, а также брали пропитаніе себѣ и лошадямъ бесплатно¹⁾.

Сибирскіе крестьяне, сверхъ обычной подводной повинности, были обязаны еще взводить по рѣкѣ дощаники съ казеннымъ провіантомъ за ничтожную поверстную плату. Крестьяне, жившіе въ городѣ Тарѣ, рассказываютъ въ своемъ наказѣ, что съ 1761 г. изъ нихъ ежегодно отправляются въ мартѣ мѣсяцѣ въ Омскую крѣпость человекъ сорокъ и болѣе для взвода по Иртышу въ верхъиртышскія крѣпости дощаниковъ съ казеннымъ провіантомъ; эти люди бывають въ отлучкѣ болѣе полугода, а нѣкоторые и весь годъ, такъ какъ вслѣдствіе весьма быстраго теченія рѣки Иртыша по порогамъ отъ Ямшевской и Семипалатной до Шульбинской крѣпостей, а также и частыхъ мелей, взвести одинъ дощаникъ на 4—5 верстъ они успѣвають только въ трое и болѣе сутокъ. а плату получаютъ по разстоянію сухимъ путемъ по одной копѣйкѣ на версту. Вслѣдствіе

1) Въ Сибири на станціяхъ и зимовьяхъ крестьяне должны были заготовлять для проѣзжающихъ сѣно, дрова, овесъ, печеный хлѣбъ и др. припасы.

долгой отлучки изъ дому, они запускаютъ свою напню, впадаютъ въ нищету и дѣлаются несостоятельными къ уплатѣ податей. такъ что за нихъ приходится платить міру. Немало людей отправлялось также изъ нихъ каждое лѣто для проведенія до города Тобольска плывущихъ изъ верххиртышскихъ крѣпостей порожныхъ дощаниковъ; они употребляли на это недѣль по пяти и болѣе, между тѣмъ какъ плату получали по разстоянію сухимъ путемъ отъ Тары до Тобольска (560 в.) только въ одну сторону по 1 коп. за 10 вер., т. е. по 56 коп. на человѣка, чего не хватало имъ и на пропитаніе, такъ что, идучи домой обратно изъ Тобольска, многіе принуждены были кормиться милостынею. Той-же повинности подлежали и другіе крестьяне Тарскаго уѣзда. Крестьянъ города Туринска назначали въ Ямышевскія крѣпости для взвода провіантскихъ дощаниковъ; зимою ихъ отправляли изъ дому пѣшкомъ болѣе чѣмъ за 1,000 верстъ до Омской крѣпости и далѣе; хотя за взводъ оттуда дощаниковъ они и получали плакатную плату, но она была такъ ничтожна, что каждый, кто имѣлъ возможность, нанималъ за себя другаго, платя отъ 16-ти до 20-ти руб., а отправлявшіеся сами едва черезъ годъ возвращались домой; нѣкоторые-же оставались въ крѣпостяхъ и на другой годъ, покинувъ свои дома и хлѣбопашество. Этихъ крестьянъ посылали также съ провіантомъ до Тобольска и въ верххиртышскія крѣпости. Въ Ишимскомъ уѣздѣ для отвода дощаниковъ ежегодно отправлялось отъ 200 до 800 человѣкъ, такъ что каждому приходилось бывать въ этой работѣ черезъ 2 или 3 года; идущему для отвода дощаника остальные крестьяне давали въ подмогу отъ 8 до 12 р. и болѣе. Работники уехали изъ дома ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ, а возвращались въ ноябрѣ и въ декабрѣ, нѣкоторые-же «за всеконечною скудостію, болѣзнію и неимѣніемъ при себѣ никакой одежды остаются даже до тепла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стужей ихъ задержать можетъ».—Та же повинность существовала и въ Восточной Сибири. Крестьяне нѣкоторыхъ слободъ Иркутской губерніи Илимскаго вѣдомства сплавляли за плакатную плату казенный провіантъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ до Якутска на разстояніи 200 вер.; прежде-же сплавляли еще далѣе, давая отправляющимся на работу по 30 р. подмоги, такъ какъ приходилось оставаться тамъ отъ двухъ до пяти лѣтъ.

Одновременно съ тѣмъ какъ крестьяне жаловались въ своихъ наказахъ на обремененіе этою повинностію, правительство само признало необходимымъ освободить ихъ отъ нея: сенатъ приказалъ сибирскому губернатору изыскать другія средства для отправленія про-

вианта, какъ, напримѣръ, доставка его по подряду, хотя-бы это и обошлось дороже, а пока сенатъ ограничился одною частною мѣрою: узнавъ, какъ трудно доставлять провіантъ отъ Шульбинскаго форпоста до Усть-Каменогорской крѣпости, гдѣ вслѣдствіе быстроты теченія и мелей рабочіе проходили въ день отъ 2-хъ до 5-ти верстъ, онъ нашелъ несправедливымъ платитъ тамъ крестьянамъ поверстныя деньги, такъ какъ при такомъ ничтожномъ вознагражденіи они «до крайняго пришли несостоянія», и велѣлъ давать имъ поденную плату по плакату (т. е. по 5 к. въ день).

Кромѣ взвода дощаниковъ съ казеннымъ провіантомъ, сибирскіе крестьяне должны были еще мѣстами за плакатную плату строить ихъ, шить кули, нагружать дощаники и т. п. Такъ какъ это отвлекало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую страдную пору, то нѣкоторые въ Енисейскомъ уѣздѣ принуждены были нанимать за себя другихъ, «запродавая послѣдній свой скотъ и закладывая дѣтей». Крестьяне просили, чтобы эти работы исполнялись по подряду. Въ Ишимскомъ уѣздѣ имъ приходилось нести не мало работъ и совершенно бесплатно: они строили и чинили провіантскіе и соляные магазины, выгружали казенную соль, перемѣривали провіантъ, перевозили его на мельницы,—и за это не получали, по ихъ словамъ, никакого вознагражденія. Въ Илимскомъ вѣдомствѣ Иркутской губерніи, крестьянамъ за постройку плотовъ и барокъ давали плакатную плату, но они должны были прибавлять еще своихъ денегъ рублей по 20-ти и болѣе. Нѣкоторыхъ крестьянъ Оренбургской губ. посылали на рѣчку Бѣлую для грузки илецкой соли; нанимая за себя другихъ, они платили отъ 16-ти до 20-ти руб. каждому рабочему.

За плакатную плату обязаны были работать нѣкоторые крестьяне и на казенныхъ заводахъ, хотя они не были къ нимъ приписаны. Изъ крестьянъ города Красноярска ежегодно отправлялось около 500 человекъ на Ирбинскій заводъ, находившійся въ разстояніи 400 в. Изъ двухъ другихъ мѣстъ Енисейской провинціи крестьяне также прежде ходили на эти заводы и потому опасались, чтобы ихъ не стали вновь посылать на подобную работу.

Кромѣ всѣхъ этихъ повинностей, которыя крестьяне обязаны были исполнять въ силу закона частію за недостаточную плату, а не то и совсѣмъ безвозмездно, мѣстами они работали еще по принужденію для разныхъ административныхъ лицъ. По словамъ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ, тамошній полиціймейстеръ ихъ сотскихъ и десятскихъ посылалъ на домашнюю свою работу. Въ Казанской губерніи въ 1763 г. была открыта цѣлая система грабительства:

государственные крестьяне терпѣли обиды и раззореніе отъ вальдмейстеровъ, смотрѣвшихъ тамъ за заказными дубовыми лѣсами, отъ служащихъ въ канцеляріяхъ и посылаемыхъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ ¹⁾. Къ этому присоединялись еще всевозможныя стѣсненія; на одно изъ нихъ обратила вниманіе императрица: казанскіе государственные крестьяне не смѣли завести ни одного поросенка изъ опасенія, чтобы эти животныя не ѣли желудей. Все, рѣшительно все подавало тогдашней администраціи поводъ ко взяткамъ, даже приведеніе крестьянъ къ присягѣ: въ началѣ 1763 г. одинъ государственный крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда подалъ императрицѣ челобитную съ жалобой на то, что воевода взыскивалъ съ нихъ въ подобномъ случаѣ по шести коп. съ души. Правительство имѣло возможность убѣдиться, что то же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ сторонахъ экономическаго быта черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи и Сибири. Главными промыслами, обеспечивавшими ихъ существованіе, было земледѣліе, — развитію котораго, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ мѣшали плохое качество земли и суровость климата, — скотоводство, затѣмъ лѣсные промыслы, охота и рыболовство. Обрабатывающей промышленности почти не существовало, если не считать дубленія кожъ, которымъ занимались многіе крестьяне въ Архангельской губерніи и въ Вятской провинціи (въ этой мѣстности употреблялась кожанная обувь). Особенно же развиты были въ сѣверной Россіи отхожіе промыслы. Но обо всемъ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Не останавливаемся также пока на жалобахъ въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ на неурожай и другія бѣдствія, такъ какъ наказы естественно представляютъ крестьянскій бытъ съ болѣе мрачной стороны (хотя и изъ нихъ видно, что, напримѣръ, крестьяне Двинскаго уѣзда Архангельской губерніи жили не бѣдно); но не мо-

---

¹⁾ Вальдмейстеры собирали ежегодно отъ трехъ до шести к. съ души, а лѣсные сотники по рублю съ деревни; приказные и солдаты, объявлявшіе разные указы, взыскивали по 1 и по 2 коп. съ души, а съ деревни по 1 р. и болѣе. При подачѣ сказокъ въ канцеляріяхъ во время платежа подушныхъ денегъ и при другихъ случаяхъ приходилось платитъ по 2 и по 3 руб. съ деревни, а иначе подушныхъ денегъ не принимали; кромѣ того, во время уплаты податей, ва офицеровъ и приказныхъ собирали въ каждую треть по 10 и по 15 коп. съ души. За печатные паспорта брали по 50 к. съ cadaго и т. п.

земь не возвратится еще разъ къ одному явленію, характеризующему бытъ крестьянъ въ сѣверной Россіи и Сибири: мы разумѣемъ сильное имущественное неравенство, главною причиною котораго, по нашему мнѣнію, было неравенство земельныхъ угодьевъ, вслѣдствіе свободной перепродажи поземельныхъ участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и отсутствія передѣловъ земель. Особенно сильно было это неравенство въ Сибири, и потому тамъ мы встрѣчаемся съ сильнымъ развитіемъ кабалы: должники отдавали своихъ дѣтей кредиторамъ на тотъ срокъ, на который были заняты деньги, а иногда и совершенно оставляли ихъ въ собственность кредиторовъ.

Міроѣдство было сильно развито и на сѣверѣ Европейской Россіи, но въ Сибири оно достигло страшныхъ размѣровъ. Прекрасною иллюстраціею этого явленія послужитъ намъ слѣдующій примѣръ. Въ исходѣ XVIII и первой четверти XIX столѣтія въ Кузнецкомъ округѣ Верхо-Томской волости, въ деревнѣ Березовой, жилъ богатый крестьянинъ заводскаго вѣдомства Новиковъ. Онъ занимался въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ и торговлею скотомъ. Часть хлѣба онъ сплавлялъ по рѣкамъ Томи, Оби и Иртышу на продажу въ Сургутъ и Березовъ. Для полевыхъ работъ и ухода за скотомъ онъ содержалъ до 80-ти годовыхъ работниковъ, для присмотра же за ними и разныхъ торговыхъ дѣлъ—болѣе 40 прикащиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ одинъ томскій мѣщанинъ. Самъ Новиковъ разрѣшалъ только значительныя торговыя предпріятія, съ важностью выслушивая доклады и мнѣнія стоявшихъ предъ нимъ главнаго управляющаго и нѣкоторыхъ прикащиковъ, повѣрялъ торговыя книги, сводилъ счета и вообще велъ себя какъ крупный торговецъ. Домъ его рѣзко отличался отъ остальныхъ, какъ величиною своею, такъ и красивымъ наружнымъ видомъ; богатое же убранство комнатъ дѣлало его похожимъ на домъ знатнаго помѣщика. Подлѣ него находились два сада, правильно распланированныя, съ фигурными бесѣдками и цвѣточными грядами. Для выѣзда онъ имѣлъ лучшихъ лошадей и много городскихъ экипажей; выписана даже была изъ Москвы коляска, въ которой Новиковъ четверней или парой объѣзжалъ иногда свои поля, ѣздилъ въ городъ по дѣламъ или разъѣзжалъ по знакомымъ, которыхъ у него было очень много въ высшемъ чиновномъ кругу. При поѣздкѣ въ городъ составлялся кортежъ изъ четырехъ экипажей; въ главномъ сидѣлъ самъ Новиковъ, а въ остальныхъ его прикащики; лошади, по предварительному извѣщенію, заготовлялись на станціяхъ едва не за недѣлю до его приѣзда. Такой образъ жизни сближалъ Новикова съ должност-

ными лицами; высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнауль, за-просто принимали его у себя.

Понятно, что крестьяне находились въ полной экономической зависимости отъ Новикова; будучи постоянно у него въ долгу, они почти не осмѣливались продавать свой хлѣбъ и скотъ въ другія руки: все везлось къ нему и сдавалось прикащикамъ, а цѣны за принятый товаръ безапелляціонно назначалъ самъ Новиковъ. Если онъ узнавалъ, что у какого нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчасъ-же посылалъ прикащика къ ея владѣльцу съ приказаніемъ отобрать ее и привести къ нему. Посланный уводилъ лошадь и если она нравилась Новикову, то онъ оставлялъ ее у себя, уплативъ за нее сколько ему вздумается. Понятно, что его тяжелая рука тяготѣла и надъ мѣстнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Онъ совершенно деспотически распоряжался дѣлами Верхо-Томской волости, и не только волостное и сельское начальство безпрекословно покорялось ему, но и уѣздныя и горныя власти сквозъ пальцы смотрѣли на его дѣянія. Ни одна мірская сходка не оканчивалась безъ разрѣшенія Новикова, ни одно распоряженіе начальства не приводилось въ исполненіе, пока не прикажетъ онъ. Очень рѣдко бывая на мірскихъ сходкахъ, Новиковъ зналъ однако все, что на нихъ происходило, такъ какъ, послѣ каждой изъ нихъ, къ нему являлась депутація отъ крестьянъ и просила его совѣта и рѣшенія; дурно-ли, хорошо-ли прикажетъ онъ, но дѣло рѣшалось согласно съ его желаніемъ. Волостное правленіе утратило всякое значеніе и превратилось почти въ канцелярію Новикова: всѣ споры между крестьянами разбирались имъ во дворѣ его дома или проѣздомъ на станціяхъ. Дома онъ каждый день утромъ или послѣ обѣда выходилъ на крыльцо и, сидя въ креслахъ, выслушивалъ жалобы и просьбы собравшейся толпы крестьянъ, спрашивалъ отвѣтчиковъ и тутъ же произносилъ окончательное рѣшеніе; призваннаго имъ виновнымъ подводили къ столбу, врытому на дворѣ, привязывали ремнями и наказывали плетью до тѣхъ поръ, пока угодно было Новикову, а онъ былъ очень жестокъ, и то и дѣло кричалъ: «прибавьте ему, прибавьте ему», такъ что иногда несчастнаго полумертваго уносили на рукахъ; случалось, что подобную расправу чинилъ онъ и проѣздомъ на какой нибудь станціи. Во время рекрутскихъ наборовъ, по полученіи въ волостномъ правленіи указа о приготовленіи очередныхъ семействъ для поставки рекрутъ, хотя и собирався для этого мірской сходъ, но все это была пустая форма; Новиковъ устраивалъ дѣло по своему. Онъ на дому у себя

составлялъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ желалъ отдать въ рекруты, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій отсылалъ его въ волостное правленіе, чтобы названные въ немъ немедленно были приготовлены къ отправкѣ, и затѣмъ въ назначенный день отсылалъ ихъ въ рекрутское присутствіе съ письмомъ на имя кого слѣдовало, гдѣ они немедленно и принимались.

Вотъ до какихъ размѣровъ доходило самоуправство міроѣда, разбогатѣвшаго путемъ эксплуатаціи своихъ товарищей ¹⁾).

В. И. Семеновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ «Томскія губ. вѣд.» 1858 г., № 43-й.